

СТИГМА ПАМЯТИ В ТУМБАЙЕ.

Резюме

Людмила да Сильва Катела

В Тумбайе рядом с небольшим зданием самоуправления находится единственный в деревне общественный телефон, а напротив — площадь, на которой проходит вся общественная жизнь. В ее центре установлено древко, на котором во время торжеств и в государственные праздники поднимают большой аргентинский флаг. В основании древка доска с надписью «Бог. Отечество. Семья. Тумбайя, 1979 год» — след присутствия военных в 1970-е годы. Добавим, что в деревне только две мемориальные доски (на основании древка и здании церкви), и обе они были установлены аргентинской армией в 1979 году.

Тумбайя — небольшая деревня в ущелье Умауака, на севере Аргентинской Республики. Среди ее жителей есть потомки коренного индейского населения. Эта идентичность иногда проявляется в кризисные моменты, особенно когда приходится требовать возвращения земель или во время деревенских собраний — основного способа разрешения конфликтов внутри сообщества. Между тем мало кто в повседневной жизни относит себя к коренному населению или использует эту идентичность в публичном самопредставлении. В некотором смысле это отрицаемая идентичность. На всю деревню — несколько фамилий. Все друг с другом в родстве. Социальные взаимоотношения в Тумбайе регулируются семейными сетями и политическими предпочтениями.

В этой небольшой деревне время как будто течет медленнее. К утру Тумбайя постепенно просыпается, люди прохаживаются от здания самоуправления к магазинам, в которых продаются товары повседневного пользования, хлеб и овощи. Чтобы прочесть областную газету, нужно идти до Волкана, что в 10 километрах. До Тумбайи «газеты не доходят. Никто не читает», — отвечает на вопрос продавщица. В час сиесты в деревне никого не встретишь. С наступлением вечера улицы снова пусты. По ночам часть молодежи, особенно парни, ходят в «Тумбайское подворье» смотреть телевизор — там находится один из немногих в деревне аппаратов.

В настоящее время в Тумбайе насчитывается 520 жителей. В 1970-е годы население колебалось от 100 до 150. С августа по декабрь 1976 года в деревне произошёл ряд налетов, похищений и политически мотивированных «исчезновений». Все эти случаи были связаны. По всей провинции свободы лишались главным образом активисты Коммунистической партии. В Тумбайе в 1976 году было похищено двадцать человек, в большинстве своем крестьяне. Шестеро из них так и не вернулись. Все исчезнувшие были членами Компартии.

ИСЧЕЗНОВЕНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ДИКТАТУРА В АРГЕНТИНЕ

Перед началом последней военной диктатуры в Аргентине и во время нее, в 1974–1983 годы, силы безопасности (армия, полиция, жандармерия) похищали, пытали, убивали и «исчезали» тысячи аргентинских граждан различного социального происхождения, возраста и места проживания. Мужчины и женщины превращались во «врагов», гибли и исчезали во имя нации, христианских ценностей и борьбы с коммунизмом. Беременных женщин содержали в плену до родов, отбирали у них детей, а затем матерей убивали. Тысячи граждан покинули родные места или бежали из страны. Правосудие, чиновники и тюрьмы в большинстве своем участвовали в этих тайных действиях государства. В каждой провинции, каждой деревне, каждом населенном пункте, так же, как и в Тумбайе, репрессии проявлялись в различных формах.

Семидесятые остались в памяти как годы страшнейшего политического насилия, а последняя военная диктатура — как самая кровавая в истории страны. Новыми для Аргентины явлениями стали систематические пытки и другие нарушения прав человека, создание концентрационных лагерей, исчезновение тел убитых и изъятие детей. В этой экстремальной обстановке образовались группы родителей, публично требовавших возвращения своих детей. Возникли такие организации, как Бабушки Майской площади, Матери Майской площади и Родственники исчезнувших политзаключенных, сплоченные символикой «крови». Постепенно эти группы обрели видимость и легитимность и изобрели новые формы политических действий. Основными из них стали стратегия международной огласки исчезновений, занятие публичных пространств — например, площадей — для проведения еженедельных протестов, не прерывавшихся с 1977 года, создание мощных символов вроде материнского платка и использование фотографий исчезнувших как основное средство публичного обличения.

(НЕ)ВИДИМОСТЬ И ПАМЯТЬ

По окончании большого исследования форм конструирования памяти в городских контекстах остались нераскрытыми некоторые темы, которые и привели меня на северо-запад Аргентины, в частности в небольшие села. При этом меня интересовало как минимум два комплекса вопросов. Один из них связан с умолчанием: почему так мало говорится об исчезнувших рабочих? Кто хранит память о них? Другой касался региональных значений и репрезентаций: каковы отличия, сходства и конфликты между доминирующей национальной памятью и памятью местной, периферийной? Эти вопросы привели меня в Тумбайю.

При чтении книги местного историка Андреса Фидальго о репрессиях в провинции Жужуй мое внимание привлекло большое количество исчезнувших из неизвестной деревни Тумбайя. Мне стало интересно, почему из столь небольшого населенного пункта исчезло столько людей и почему не было никакой информации или публичной памяти о произошедшем.

Чтобы ответить на эти вопросы, можно начать с констатации важного факта: наиболее известные эпизоды насилия относятся к одной из двух категорий. Пер-

вая из них — события, о которых говорится в той или иной книге или другой публикации (будь то доклад вроде отчета Национальной комиссии по исчезновениям людей, официальные свидетельства, расследования журналистов или исследования историков) либо в аналогичных средствах информации — проектах устной истории, документальных и игровых фильмах и так далее. Вторая определяется наличием одного человека или группы людей, превративших сохранение памяти о событии в дело своей жизни, вкладывающих время и располагающих необходимым политическим, культурным или символическим капиталом для того, чтобы сделать его достоянием общественности. Примерами могут послужить уцелевшие узники концентрационного лагеря «Эль Весубио» на окраине Буэнос-Айреса или активисты Марша памяти о затемнении в Ледесме в провинции Жужуй.

Оба процесса вполне могут совпадать. Такой тип практик помогает делать явными некоторые воспоминания, в то время как другие остаются невидимыми, скрытыми, пребывая в ожидании момента, когда и они станут публичными, — момента, который может и не наступить.

Цель моей работы — наметить некоторые соображения о сложном взаимоотношении между памятью о репрессиях и стигмой, которую производят обвинительные категории, связанные с репрессивными практиками прошлого. Чтобы прояснить это взаимоотношение, я наблюдаю практики и фиксирую нарративы родственников исчезнувших, похищенных и их соседей. Исследуя отношение между видимостью и стигматизированностью этой памяти, я обращаю особое внимание на роль, которую играет «предприниматель памяти». Исследование основано на наблюдениях, неформальных беседах и интервью, проведенных в Тумбае в июле 2003 и июле 2004 года.

ТУМБАЙЯ: СВОЕОБРАЗНАЯ ФОРМА ПОСТРОЕНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

В течение 1976 года в ходе различных налетов было похищено 20 жителей Тумбайи. Оперативные действия, проходившие как в самой Тумбае, так и в столице провинции Сан-Сальвадоре-де-Жужуй, имели четко определенную цель — захватить активистов Коммунистической партии. Шестеро из двадцати похищенных исчезли навсегда. Репрессии протекали в два этапа. Первым стала большая акция, в ходе которой многих жителей деревни — мужчин и женщин — увезли на допрос в Волкан. Некоторых из них продолжали держать в заключении в тюрьме «Вийя-Горрити», других вскоре освободили. Никто не исчез. В результате второй волны похищений членов Компартии бесследно пропало шесть человек. Ни в период диктатуры, ни после него члены семей исчезнувших жителей Тумбайи не подавали заявлений в Национальную комиссию по исчезновениям людей; в отличие от других аргентинских регионов здесь на площади не выходили матери жертв, родственники не объединялись, чтобы узнать правду. Каждый в одиночку пытался выяснить что-нибудь о пропавшем члене семьи.

С октября по декабрь 1976 года родные тех, кто сегодня считается пропавшими, в большинстве своем поддерживали контакт с заключенными в тюрьме «Вийя-Горрити», и те им даже сообщили, что будут освобождены к определенной дате

в декабре 1976 года. В назначенный день родные приехали в Сан-Сальвадор-де-Жужуй, чтобы забрать членов своих семей, но по приезду в тюрьму им просто сообщили, что те «уже уехали». Это событие, о котором мне рассказывали в интервью все родственники пропавших, стало для них наиболее непонятным эпизодом. «Зачем нам врать?» — говорит Кармела, сестра одного из молодых людей.

До окончания диктатуры никто не подавал заявлений, это пришло только в 1990-е годы, и то с конкретной целью — получить компенсацию. Воспоминания об исчезнувших почти не присутствуют в публичной сфере. Некоторые родственники время от времени ездят в Сан-Сальвадор, чтобы принять участие в памятных событиях. В 2003 году я впервые увидела фотографии пропавших тумбайцев во время Марша памяти затемнения в Ледесме: это были Хуан Элиас Токонас (исчезнувший 15 октября 1976 года) и Роза Сантос Мамани (похищенная двумя днями позже).

Таким образом, какие-то следы памяти стали появляться на региональном уровне. На уровне национальном Коммунистическая партия включила имена исчезнувших тумбайцев в перечень своих членов, пропавших в годы военной диктатуры. В списке указаны только их имена (зачастую написанные с ошибками), дата исчезновения, да еще провинция — Жужуй. И хотя их имена не значились в списках Национальной комиссии по исчезновениям людей, впоследствии эти похищения и исчезновения были зарегистрированы в общенациональных и местных «обличительных книгах».

ТЕЛА, УНИЖЕНИЕ И УМОЛЧАНИЯ

Все члены деревенского сообщества так или иначе знают, что произошло, и излагают собственные версии событий. Однако эти рассказы остаются за закрытыми дверями — в кругу семьи или тех, кто прошел через похищения или исчезновения. Следуя андским традициям, жители Тумбаи регулярно устраивают собрания для обсуждения общих проблем и принятия решений. Тем более проблематичным представляется родным пропавших тот факт, что не было организовано никаких совместных действий в их память.

Если среди семей пропавших преобладает желание «что-нибудь сделать», особенно после того как они получили компенсации, то те, кто пережил заключение и пытки, не испытывают такой потребности. В большинстве своем они никогда не обсуждали произошедшее со своими семьями. Во время интервью они размеренно, но не скрывая своей боли, рассказывают о пережитом, телесно выражая последствия похищений. Они дрожат, задыхаются, сжимают руки в кулаки и опускают глаза. За каждым ответом следует глубокое молчание. Пережитое унижение для них хуже, чем физическая боль от ударов. Самые страшные страдания им причинили предъявленные обвинения: «Меня обвиняли в том, что я не патриот, что я коммунист. А я никогда не наносил вреда родине, никогда», — нервно говорит Херонимо.

Категория «левизны» в этом контексте имеет крайне стигматизирующую смысловую нагрузку, с коннотациями опасности и насилия: коммунист-антипатриот представляет явную угрозу действующему порядку. Эта исконно политиче-

ская обвинительная категория «заразила» и другие сферы. Субверсивный деятель — коммунист — привносит что-то извне, заражает свое общество чужим, разрушает и разлагает «естественный порядок» своими подрывными идеями и поведением. По словам бразильского антрополога Жильберто Вельо, в этой системе репрезентаций и обвинений коммунист — это «предатель, отвергающий родину». Другой респондент, Эмилио, говорит, что худшее, что с ним произошло, это то, что его обвинили в том, что он коммунист, а также в том, что он «использовал свою работу в шахте для того, чтобы снабжать их взрывчаткой». «Я, всегда бывший перонистом, стану давать коммунистам взрывчатку! Зачем?»

Каждый из них говорит о том, что события того времени лучше забыть, что они причиняют им много боли и что все они «больны нервами». Тело несет следы воспоминаний, которые лишь изредка могут быть выражены словами. Идеи о «заражении» общества коммунистами в момент высказывания словно получают телесное выражение. Молчания и отсылки к «нервам» говорят о том, что в телах запечатлена стигма памяти об унижениях и обвинениях в «коммунизме». Прошедшие через тюрьмы желают забыть прошлое. Ни один из них не рассказал о произошедшем своим детям, а те их не спрашивали. Дон Пабло ушел с интервью, сказав, что ему больно говорить, но важно иметь такую возможность. Херонимо вечером пошел в гости в Дону Федерико и попросил у него вина, «так как был очень взволнован, потому что говорил о вещах, о которых его никто никогда не спрашивал».

Однако эти воспоминания и связанная с ними стигма останутся непонятными, если воспринимать их всего лишь как личные рассказы. За ними стоят социальные взаимоотношения, представления о Другом, категории обвинения, внутренние связи в подпитывающем и конституирующем их местном сообществе. Отвечая на мой вопрос, чем был для него коммунизм, Херонимо стал говорить об общественной солидарности — идее о том, чтобы «у всех было понемногу и все мы жили лучше». «От этого я не откажусь никогда, даже если меня будут бить и обращаться со мной как с животным». Из этих способов конструирования образов недавнего прошлого и проистекает напряжение между памятью и стигмой в Тумбае. Представления о «коммунизме» упорядочивают и артикулируют ряд социальных опытов, предрассудков и отличий, отделяющих «наше» от «чужого». Они отражают местное, знакомое пространство, в котором существуют узы доверия и солидарности, от пространства «внешнего», незнакомого и опасного, ставящего под вопрос порядок и миропонимание, которые должны оставаться естественными и неоспоримыми.

Перевод с испанского Михаила Габовича